

Панюкова Юлия Геннадьевна

доктор психологических наук,
ведущий научный сотрудник
лаборатории экопсихологии развития
и психодидактики Психологического института,
Российская академия образования;
профессор кафедры педагогики и психологии
профессионального образования
Российского государственного аграрного
университета – МСХА им. К.А. Тимирязева

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТРОПОГЕННОЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ПРЕДМЕТНОЙ СРЕДЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Аннотация:

Статья посвящена описанию результатов теоретического анализа проблемы психологической репрезентации субъектом антропогенной пространственно-предметной среды повседневной жизни в условиях самоизоляции. Представлен обзор понятий: «жизненное пространство», «психологическое пространство личности», «место-ситуация» и др. Проанализированы разные теоретические решения проблемы взаимосвязи субъекта и пространственно-предметной среды повседневной жизни. Выделены психологически релевантные единицы анализа особенностей репрезентации: графические и вербальные. Охарактеризованы показатели особенностей взаимодействия субъекта и пространственно-предметной среды его повседневной жизни. Подчеркнуто, что их система может быть информативной для получения данных о значимых для человека составляющих антропогенной среды. Обозначена возможность рассмотрения особенностей репрезентации с точки зрения стрессогенности и ресурсности пространственно-предметной среды для субъекта в ситуации самоизоляции. Приведена структура репрезентационной схемы: простота – сложность, одномерность – многомерность и центрированность – хаотичность.

Ключевые слова:

психологическая репрезентация, антропогенная пространственно-предметная среда, самоизоляция, жизненное пространство, психологическое пространство, место-ситуация, психологическая граница, структура репрезентации, тип взаимодействия субъекта и среды

Panyukova Yulia Gennadyevna

D.Phil. in Psychology,
Leading Research Fellow,
Center of Developmental Ecopsychology
and Psychodidactics,
Psychological Institute,
Russian Academy of Education ;
Professor, Department of Pedagogy
and Vocational Education Psychology,
Russian State Agrarian University

PSYCHOLOGICAL REPRESENTATION OF EVERYDAY LIFE ANTHROPOGENIC SPATIAL ENVIRONMENT: THEORETICAL MODEL

Summary:

The paper describes the results of the theoretical analysis of the problem of the psychological representation of anthropogenic spatial everyday environment by a subject in self-isolation. The review of the concepts is made: «life space», «psychological personal space», «place-situation», etc. Different theoretical solutions of the problem of the relationship between a subject and spatial everyday environment are analyzed. The psychologically relevant units of representation features analysis are identified: graphic and verbal. The indicators of features of interaction between a subject and spatial environment of his everyday life are characterized. It is noted that their system can be informative to obtain data on the components of anthropogenic environment that are significant for a human. The opportunity to consider the features of representation as an indicator of stressogenicity and resource of spatial environment for person in situation of self-isolation are identified. The structure of a representation scheme is made: simplicity – complexity, one-dimensionality – multidimensionality, centeredness – chaoticness.

Keywords:

psychological representation, anthropogenic spatial environment, self-isolation, living space, psychological space, place-situation, psychological border, structure of representation, type of person – environment interaction

Введение. Понятие «антропогенный» традиционно ассоциируется со стрессогенным воздействием человека на окружающую среду и повседневную жизнь других людей. В качестве антропогенных факторов обычно называются различные техногенные катастрофы, глобальное потепление и др. Влияние их на психическую деятельность человека анализируется преимущественно в рамках экстремальной психологии или экопсихологии экстремальной среды. Традиционно в качестве предмета исследования определяются различные проявления психического индивида, которые негативно влияют на его психологическое благополучие.

В актуальной повседневности возник новый антропогенный фактор, кардинально изменивший жизнь современного человека, – COVID-19, вызвавший пандемию, психологические «эффекты» которой достаточно активно исследуются в современной науке [1]. Одним из последствий стремительного распространения вируса стала вынужденная самоизоляция, повлекшая за собой

«перереформирование» пространственно-предметной среды повседневной жизни человека. Методологический формат экопсихологических исследований позволяет обратиться к анализу особенностей психологической репрезентации субъектом антропогенной пространственно-предметной среды как к феномену, объясняющему определенный спектр причин, связанных с психологическим благополучием или неблагополучием субъекта. В фокусе нашего внимания оказываются существенные изменения пространственно-предметной среды повседневной жизни субъекта. Важным квалифицирующим признаком ситуации самоизоляции является фактор «безвыходности», отсутствия контроля над ситуацией, специфического «заключения» субъекта, но в условиях своего собственного дома, на своей, близкой, родной, максимально персонализированной территории, где человек вынужден находиться постоянно, практически без возможности покинуть это место. Существенным является обстоятельство, что все практики субъекта, все виды его деятельности концентрируются в этом пространстве, и что особенно важно, работа также становится неотъемлемым атрибутом пространственно-предметной среды «домашней» повседневности. В связи со сказанным активизировалась рефлексия субъекта по поводу дифференцирования, разделения пространственно-предметной среды повседневной жизни на индивидуальное, внутреннее, свое, безопасное пространство и на общественное, внешнее, чужое, опасное.

Эти и другие обстоятельства могут рассматриваться как обоснование актуальности разработки основ авторской теоретической рабочей модели, позволяющей сделать предметом психологического анализа пространственно-предметную среду повседневной жизни субъекта. В ситуации самоизоляции сконцентрированная в ограниченном формате бытовая жизнь человека может пониматься в качестве пространственной, материальной, вещной квинтэссенции системы ценностей, смыслов, переживаний субъекта.

Необходимость обоснования базовых положений такой модели требует обращения к различным междисциплинарным феноменам, оформленным в экоориентированном контексте современного гуманитарного знания. Прежде всего, речь идет о глобальной метафоре взаимодействия субъекта с миром, которая является фундаментальной в человекоориентированных академических дискурсах и операционализируется как теоретически, так и эмпирически. Отдавая себе отчет в том, что даже поверхностный анализ основных методологических ракурсов осмысления интересующей нас проблемы вряд ли возможен в формате одной статьи, мы обращаемся к ресурсам экопсихологической парадигмы для определения исходных положений, объясняющих механизмы взаимосвязи субъекта и пространственно-предметной среды его жизнедеятельности.

Теоретические подходы к проблеме. В первую очередь необходимо актуализировать положения теории К. Левина, которые сегодня определяются как классические и универсальные для «разворачивания» различных дискурсов о взаимодействии человека и пространственно-предметной среды его жизнедеятельности. «Теория поля» К. Левина стала одним из теоретических конструктов, с помощью которых была операционализована «пространственность» психического. Можно обратиться к одному из современных вариантов интерпретации теоретического наследия ученого, в рамках которого исследователи подчеркивают методологический пафос конструкта «жизненное пространство» и акцентируют основные теоретические положения, раскрывающие психологическое содержание данного феномена [2]. Д.А. Леонтьев отмечает, что заслугой К. Левина является то, что он первым начал изучать зависимость поведения от ситуации и в целом оформил основы психологии среды. Обращаясь к содержанию его первой феноменологической публикации, посвященной восприятию военного ландшафта, Д.А. Леонтьев уточняет, что нет просто местности, есть воспринятая определенным образом местность, которая может быть охарактеризована с помощью таких единиц, как «направленность ландшафта», «граничные зоны» и др. «Мы не можем ничего сказать про поведение, – считал К. Левин, – если изыдем индивида из взаимодействия с окружающей реальностью» [3, с. 37]. Совокупность взаимосвязей элементов внешней (объективной) и внутренней (психологической) ситуации он описывает с помощью заимствованного из физики понятия поля. Поле при этом характеризуется определенной топологией (в нем выделяются области, разделенные границами разной степени жесткости) и определенной динамикой сил, влияющих на находящегося в этом поле индивида, которые в разных точках поля могут существенно различаться [4].

В современной отечественной психологии разработаны различные методологические языки описания «жизненного мира», «психологического пространства» субъекта, где операционализация взаимодействия индивида и пространственно-предметной среды его повседневной жизни реализуется на основе положений, сформулированных К. Левиным.

Один из вариантов интерпретации идей ученого в современном психологическом дискурсе представлен С.К. Нартовой-Бочавер, которая к числу трех идей К. Левина, без которых не было бы современной психологии, относит идеи о жизненном пространстве, о его структуре и границах

[5]. Нам близки рассуждения С.К. Нартовой-Бочавер об особенностях структуры жизненного пространства, о «валентности» различных элементов пространственно-предметной среды для субъекта, о «привязанности» к вещам и местам как своеобразном психологическом индикаторе, о границах психологического пространства, информирующих о «зонах напряжения» субъекта во взаимодействии со средой. Подчеркивая уникальную возможность понимания психического через не-психическое, исследователь апеллирует к опыту анализа историй людей о своих вещах, местах, иных структурных элементах жизненного пространства как к источнику информации о целях, намерениях, переживаниях человека, так как именно они «представляют собой наиболее честный эффективный способ познания внутреннего мира человека, свободный от психологических защит и искажений» [6, с. 103–104].

В работах С.К. Нартовой-Бочавер акцент делается на такой характеристике психологического пространства, как «граница». Ее феноменология достаточно основательно проанализирована в нескольких исследованиях [7]. Отмечается, что сегодня к понятию «психологическая граница» наблюдается устойчивый интерес, причем он связан не только с классическими психотерапевтическими интерпретациями «границы Я», но и с практиками осмысления взаимодействия субъекта с окружающим миром в целом.

Еще один феномен, близкий по содержанию к классическому «психологическому пространству» К. Левина, – «психологическое» и/или «социально-психологическое пространство», концептуализация которого представлена в исследованиях А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко. Ученые понимают под указанным термином «субъектифицированную среду», то есть избирательно воспринятую и оцененную, представленную в сознании субъекта и освоенную им, а точнее сказать – «порожденную» и «сформированную этим субъектом систему позитивно, нейтрально или негативно значимых объектов или явлений, включая его самого, занимающих конкретные позиции в структуре...» [8, с. 13]. Одним из главных атрибутов психологического пространства, по мнению исследователей, является «граница», определения которой они не дают, но отмечают важность этого феномена в дифференцировании психологического пространства на «свое», наполненное близкими, приятными для субъекта объектами, и «чужое», включающее отвергаемые, безразличные и чуждые объекты. Со ссылкой на исследование А.В. Бурмистровой-Савенковой учеными подчеркивается, что одним из вариантов эмпирического осмысления конструкта «граница» является феномен «прайваси», определяемый как способ регуляции взаимодействия субъекта с окружающим миром, фиксирующим приватность, отделенность, уединенность субъекта [9].

Исследователи выделяют достаточно широкий спектр топологических параметров психологического пространства, к числу которых относится его структура, то есть количество и особенности расположения в нем различных элементов. В качестве психологически релевантных характеристик пространства, связанных со значимостью этих элементов для субъекта и местом, которое они занимают в системе ценностей субъекта, называются его сформированность и структурированность, реалистичность, плотность или разреженность пространства, его однородность или разнородность и др.

Еще одно исследование, направленное на операционализацию взаимодействия в системе «человек – среда», посвящено анализу феномена «жизненное пространство личности». Н.А. Кондратова, опираясь на разработанные в психологии классические положения взаимодействия человека и мира (Э. Гуссерль, К. Левин, А.Н. Леонтьев, Г. Олпорт, С.Л. Рубинштейн, М. Хайдеггер и др.), предлагает теоретическую модель репрезентации жизненного пространства личности, которая представляет его структуру в виде определения центра (ядра) и периферии; граница выступает психологическим средством разделения «своего» и «чужого»; в модели отражены также динамические особенности и величина (размер) жизненного пространства [10]. Подчеркивается, что степень близости его элементов, или «мест», к ядру коррелирует с их значимостью для субъекта, свидетельствует об эмоционально насыщенной окрашенности этих «мест», об идентификации субъекта с «ядерными» практиками своей жизни.

В качестве примера теоретической операционализации и эмпирической валидации взаимодействия субъекта и пространственно-предметной среды его жизнедеятельности можем указать на исследование Т.М. Марютиной, Ю.Г. Панюковой, в результате которого была разработана теоретическая модель и создан методический инструмент для анализа особенностей репрезентации пространственно-предметной среды жизнедеятельности субъекта [11]. Операциональная единица анализа, согласно данной модели, – конструкт «место-ситуация», фиксирующий пространственные и временные атрибуты среды. Кроме того, были выделены уровни (чувственный и смысловой), компоненты (формальный и содержательный), а также параметры (структура, размер, динамика, прочность, прагматические, эстетические и этические) ее репрезентации.

Самостоятельной частью исследования стала процедура разработки пространственного семантического дифференциала, с помощью которого были не только получены данные об универсальных особенностях репрезентации пространственно-предметной среды различных типов (жилой, городской, образовательной, рекреационной), но и определены индивидуально-типологические и личностные ее особенности. Кроме того, были выделены типы репрезентации: оптимальный, ресурсный и дефицитарный. Специфика особенностей представленности пространственно-предметной среды в сознании индивида связана с различными значениями указанных в теоретической модели параметров [12].

Систематизируя существующие варианты интерпретации взаимодействия субъекта и пространства его повседневной жизни, отвечающие парадигме средового подхода, ученые выделяют в качестве универсальных формальные (структура, границы) и содержательные (люди, животные, растения, места, вещи, предметы и др.) компоненты, определяя как содержательные особенности элементов, так и специфику взаимодействия в системе этих элементов в качестве психологически релевантных.

Можно привести примеры многочисленных эмпирических исследований, валидизирующих базовые теоретические постулаты, раскрывающие феноменологию взаимодействия субъекта и среды его жизнедеятельности, однако анализ проблемы требует обращения к методическим инструментам, позволяющим диагностировать вышеназванные параметрические особенности репрезентации пространственно-предметной среды повседневной жизни субъектом.

Анализ диагностических процедур. Можно говорить о существовании рисуночного и вербального «языков» анализа особенностей психологической репрезентации пространственно-предметной среды. Примером использования «языка» проективной рисуночной методики в интересующем нас контексте является методика «Моя жизнь», разработанная С.А. Безгодовой, А.В. Микляевой и С.М. Яцышиным. В соответствии с основными ее постулатами испытуемому предлагается рассматривать «образ собственной жизни» как компонент образа мира и использовать для его описания такие характеристики, как содержание, доминирующая эмоциональная модальность, соотношенность с потребностями субъекта, взаимосвязи с другими фрагментами образа мира. В результате процедуры анализа маркеров представленности выделенных характеристик в работах респондентов были выделены следующие «интерпретационные контексты» проективного рисунка: 1) характеристика собственной жизни (стабильность – динамичность жизни; доброжелательность – враждебность мира); 2) эмоциональный фон жизни (благоприятный – неблагоприятный; спокойствие – тревога); 3) осмысленность жизни (активность – пассивность; идентификация – диссоциация с собственной жизнью); 4) границы собственной жизни (открытые – закрытые по отношению к миру и другим людям) [13]. Нам представляется, что данный методический инструмент может быть достаточно эффективен в исследованиях, направленных на анализ психологической репрезентации субъектом антропогенной пространственно-предметной среды повседневной жизни в плане получения данных как о формальных (структуре и границах), так и о содержательных (качественная характеристика элементов) особенностях репрезентации.

Самостоятельным «языком» описания репрезентационных схем, в том числе и пространственно-предметной среды повседневной жизни, является графический. В основе валидности данного приема лежит идея о том, что пространственные особенности образа/представления могут рассматриваться как эквиваленты психического, иначе говоря, некоторые пространственные измерения, например «дальше – ближе», «выше – ниже», «центр – периферия» и др., могут квалифицировать элементы среды как обладающие для субъекта большей или меньшей значимостью, характеризующиеся различной эмоциональной окрашенностью. В первую очередь речь идет о методических инструментах, основы которых изначально были оформлены в социально-психологических практиках [14], а затем экстраполированы в другие области психологических исследований.

Безусловным диагностическим потенциалом обладает так называемая «Витаграмма», которая была использована Г.В. Шуковой в исследованиях особенностей социально-психологического пространства молодых специалистов – практических психологов. Графическими маркерами интересующих нас структурных и содержательных показателей репрезентации в данном исследовании стали местоположение, размер и очередность «кружков» – элементов социально-психологического пространства на листе. В совокупности указанные маркеры свидетельствовали о степени субъективной значимости указанных респондентами ценностей [15].

Аналогичный методический инструмент был использован в исследованиях, посвященных анализу места информационных технологий в структуре идентичности человека. Согласно инструкции респондентам предлагалось обозначить в большом круге кружками меньших размеров различные элементы информационной среды (интернет, мобильный телефон, телевизор) и значимых людей. Исследователи проверяли гипотезу о том, что субъективная близость указанных элементов к «Я» как к центру предьявленного круга, а также очередность и размер нарисованных

кружков могут выступать в качестве репрезентативных показателей значимости этих элементов для субъекта. Отмечалось также, что рисуночная методика обладает объяснительными ограничениями, но весьма эффективна как способ получения информации об особенностях репрезентации какой-либо среды субъектом [16].

Можно привести пример разработки аналогичной методической процедуры для исследования особенностей психологической репрезентации образовательной среды студентами. Данный методический инструмент был назван «Топограмма» и позволял получить данные о степени субъективной значимости для студентов таких элементов образовательного процесса, как архитектурный, ценностный и социально-психологический. В качестве психологического маркера субъективной значимости компонентов рассматривался показатель очередности рисования кружков с изображением элементов [17].

Традиции интерпретации использования вербальных единиц анализа в исследованиях, посвященных психологической репрезентации, в основном, связаны с реализацией ассоциативного эксперимента как способа получения данных об используемых респондентами единицах анализа, а варианты их систематизации представлены, в частности, в виде метода семантических универсалий, разработанного в русле экспериментальной психосемантики [18].

Перечисленные методические приемы, позволяющие идентифицировать и определить качественные и количественные особенности структурных и содержательных параметров психологической репрезентации антропогенной пространственно-предметной среды повседневной жизни, могут быть использованы для решения ряда прикладных задач, актуализированных ситуацией пандемии COVID-19. Одной из них является поиск стрессогенных и ресурсных аспектов в репрезентации субъектом пространственно-предметной среды повседневной жизни. Для решения этой задачи, помимо классических положений, касающихся определения структуры и содержания жизненного пространства субъекта, возможно обращение к таким современным областям психологического дискурса, как психология повседневности [19], а также к исследовательскому направлению, связанному с пониманием жизненной среды как источника стресса и в то же время ресурса его преодоления [20].

Основные положения теоретической модели. Опираясь на методологические и теоретические положения, разработанные в исследованиях, посвященных феноменам «психологическое пространство», «жизненное пространство», «психологическая репрезентация пространственно-предметной среды», «психология повседневности», «жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления», мы предприняли попытку формулирования нескольких положений теоретической модели психологической репрезентации антропогенной (жилой, городской, рекреационной, природной и др.) пространственно-предметной среды повседневной жизни.

Под антропогенной пространственно-предметной средой мы понимаем среду повседневной жизни субъекта, которая ограничена пространством дома, где субъект вынужденно, вследствие распространения пандемии, пребывает продолжительный промежуток времени, не имея возможности самостоятельно прекратить это пребывание и спрогнозировать сроки изменения этой ситуации.

Важным атрибутом повседневной жизни субъекта является концентрированность в жилой среде всех практик жизнедеятельности субъекта: работы, учебы, общения с родственниками, отдыха. Существенной особенностью антропогенной пространственно-предметной среды повседневной жизни является ее дихотомическая организация: безопасный, свой, внутренний мир, с одной стороны, и опасный, чужой, общественный мир – с другой стороны.

В ситуации самоизоляции актуализируется метафора границы, которая приобретает совершенно осязаемый смысл для субъекта и может рассматриваться в качестве психологического маркера репрезентации субъектом пространственно-предметной среды повседневной жизни. Граница будет отличаться разной степенью прочности – проницаемости. Для одних субъектов она может выступать стрессогенным фактором, в случае фрустрирования потребностей в контроле над ситуацией и отсутствием личностных ресурсов для порождения способов такого контроля; для других, с иными дифференциально-психологическими особенностями, граница может являться ресурсным образованием, выполняющим функцию защиты от «угрожающего» внешнего мира, и позволяющим обрести персональную безопасную среду. В качестве психологически релевантных индикаторов особенностей репрезентации границы в структуре пространственно-предметной среды повседневной жизни могут рассматриваться графические и вербальные показатели, фиксирующие «границы», «барьеры», «препятствия».

Структурные показатели психологической репрезентации антропогенной пространственно-предметной среды повседневной жизни представлены как количественными индикаторами – вариативностью «элементов»/«тем» в субъективном образе пространственно-предметной среды, так и их содержательными характеристиками. Квалифицировать пространственно-предметную

среду как источник стресса для субъекта могут позволить такие структурные особенности ее репрезентации, как отсутствие или незначительная представленность «элементов»/«тем» («пустота» репрезентационной схемы) и «одномерность»/«гомогенность» психологического пространства субъекта, то есть выражение в репрезентационной схеме какой-либо одной жизненной практики субъекта. О ресурсном потенциале пространственно-предметной среды повседневной жизни может свидетельствовать сложная структура репрезентации и многомерность психологического пространства субъекта.

Особенности взаимосвязи элементов в структуре психологической репрезентации субъектом пространственно-предметной среды повседневной жизни определяются спецификой расположения «элементов»/«тем», включенных в психологическое пространство, относительно друг друга: эта специфика может свидетельствовать как о субъективной значимости определенного элемента, так и о его эмоциональной окрашенности. Стрессогенность составляющих пространственно-предметной среды могут выдать: удаленность элементов от «Я», хаотичный их порядок, вербальные единицы, свидетельствующие о негативной эмоциональной окрашенности данного элемента психологического пространства. Ресурсность пространственно-предметной среды для субъекта будет связана с центрированностью элементов вокруг «Я», их упорядоченным расположением и использованием позитивно окрашенных вербальных единиц анализа.

Психологическая репрезентация антропогенной пространственно-предметной среды повседневной жизни субъектом может свидетельствовать о том, что она является фактором стресса для него, когда субъект не идентифицирует себя с ней; наличие «границы» в структуре психологического пространства сопряжено с невозможностью удовлетворения потребности субъекта в контроле над ситуацией, а репрезентация среды отличается простотой и одномерностью, не центрирована на «Я»; связи между ее структурными элементами хаотичны, эмоционально окрашенные единицы анализа не используются либо используются те из них, которые имеют негативную семантику.

Дифференцированный анализ содержательных особенностей психологической репрезентации антропогенной пространственно-предметной среды повседневной жизни позволяет выделить универсальные для субъекта элементы обычной жизни (например, животные, растения, определенные предметы, места и др.), а также стрессогенные параметры пространственно-предметной среды в быту (например, отсутствие персонального пространства, возможности свободного передвижения и др.).

Помимо универсальных показателей стрессогенности и ресурсности антропогенной пространственно-предметной среды повседневной жизни могут быть выделены ее дифференциально-психологические особенности, которые связаны с содержательной спецификой репрезентации: элементы пространственно-предметной среды, которые будут ресурсны для одного субъекта, могут являться источником стресса для другого.

Таким образом, в настоящей статье предпринята попытка сформулировать положения теоретической модели психологической репрезентации антропогенной пространственно-предметной среды повседневной жизни в ситуации самоизоляции в период пандемии COVID-19.

Базовым положением настоящей модели является тезис о возможности рассматривать взаимодействие субъекта и пространственно-предметной среды повседневной жизни либо как стрессогенное, в соответствии с которым среда для субъекта является фактором стресса и психологического неблагополучия; либо как ресурсное, предполагающее, что среда представляется для субъекта средством работы со стрессом. Определяющими тот или иной характер взаимодействия являются особенности психологической репрезентации субъектом пространственно-предметной среды его повседневной жизни: наличие – отсутствие границы между «Я» и средой и специфика выстроенных им репрезентационных схем (простота – сложность, одномерность – многомерность, центрированность – хаотичность). Системный анализ формальных и содержательных особенностей психологической репрезентации субъектом пространственно-предметной среды повседневной жизни, а также дифференциально-психологические ее вариации позволяют получить валидную информацию о ресурсности – дефицитности для субъекта среды его повседневной жизни. Возможно, сформулированные положения теоретической модели следует рассматривать как актуальные не только для условий самоизоляции, связанных с пандемией COVID-19, но и для иных ситуаций, отличающихся разной степенью вынужденной изоляции или, наоборот, характеризующихся отсутствием такого рода ограничений. Однако это предположение нуждается в специальной эмпирической проверке.

На основе методологических, теоретических и практических исследований, реализованных в области таких феноменов, как «жизненное пространство», «психологическое пространство», «жизненный мир» и др., а также в контексте дискурса экологической психологии, психологии по-

вседневности, направления, ориентированного на изучение среды как источника стресса и ресурса его преодоления, мы представили систему количественных и качественных топологических и вербальных индикаторов, которые могут рассматриваться как психологически релевантные и использоваться для изучения особенностей психологической репрезентации субъектом пространственно-предметной среды повседневной жизни.

Ссылки:

1. Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Медведев Т.И., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Вызовы пандемии COVID-19: психическое здоровье, дистанционное образование, интернет-безопасность. Т. 1. М., 2020. С. 100–121.
2. Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология. СПб., 2020. 532 с.
3. Леонтьев Д.А. О теории поля К. Левина // Жизненное пространство в психологии. Теория и феноменология. СПб., 2020. С. 30–62.
4. Там же.
5. Нартова-Бочавер С.К. Три идеи Курта Левина, без которых не было бы современной психологии // Жизненное пространство в психологии. Теория и феноменология. СПб., 2020. С. 100–123.
6. Там же. С. 103–104.
7. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб., 2008. 400 с.; Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Психологические границы личности: взросление и культура. М., 2018. 120 с.
8. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. М., 2012. 496 с.
9. Бурмистрова-Савенкова А.В. Понятие бытийного пространства личности и методика исследования индивидуальных предпочтений в регуляции границ этого пространства // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 1. С. 6–18.
10. Кондратова Н.А. Субъективная репрезентация жизненного пространства личности : автореф. дис. ...канд. психол. н. М., 2009. 24 с.
11. Марютина Т.М., Панюкова Ю.Г. Психологическая репрезентация пространственно-предметной среды // Идея системности в современной психологии. М., 2005. С. 469–491.
12. Панюкова Ю.Г. Эмпирическое исследование структурной организации психологической репрезентации пространственно-предметной среды // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 3. С. 111–122.
13. Безгодова С.А., Микляева А.В., Яцышин С.М. Проективный рисунок «Моя жизнь» // Практикум по психологии жизненных ситуаций. СПб., 2016. С. 166–176.
14. Шукова Г.В. Особенности социально-психологического пространства молодых специалистов – практических психологов [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 33. С. 1–12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/938-shukova33.html> (дата обращения: 18.12.2020).
15. Там же.
16. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Информационные технологии в структуре идентичности человека: возможности и ограничения рисуночной методики [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 1–3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1233-emelin45.html> (дата обращения: 18.12.2020).
17. Панюкова Ю.Г., Панина Е.Н. Диагностические возможности методики «Топограмма» как инструмента исследования психологической репрезентации студентами образовательной среды вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 11 (67). С. 88–93. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.11.14>.
18. Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М., 2008. 382 с.; Склейнис В.А. Сопоставительный анализ семантических универсалий оценки представлений о себе и типа жизненного сценария личности [Электронный ресурс] // Мир науки : научный интернет-журнал. 2016. Т. 4. № 2. С. 1–8. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/34PSMN216.pdf> (дата обращения: 18.12.2020).
19. Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–16; Гусельцева М.С. Психология повседневности: методология, история, перспектива [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 51. С. 1–12. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n51/1387-guseltseva51.html#_edn1 (дата обращения: 18.12.2020); Марцинковская Т.Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1497-martsinkovskaya56.html> (дата обращения: 18.12.2020).
20. Нартова-Бочавер С.К. Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 15–26. <https://doi.org/10.31857/S020595920006072-5>.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович